

6. Sparrow B. Google Effects on Memory: Cognitive Consequences of Having Information at Our Fingertips // Science. 2011. Vol. 333, № 6043. P. 776–778.

7. Wegner D. M., Giuliano T., Hertel P. Cognitive interdependence in close relationships // W. J. Ickes (ed.). Compatible and incompatible relationships. N. Y., 1985. P. 253–276.

Статья поступила в редакцию 03.09.2013 г.

УДК 621.39:070 + 002:070 + 323.27:94(470.5)

**А. В. Антошин
Г. Н. Шапошников**

СВЯЗИСТЫ, СМИ И ИНФОРМАЦИОННАЯ ВОЙНА НА УРАЛЕ В 1917 г.

Статья посвящена проблемам информационного противоборства и информационной войны на Урале в условиях революции 1917 г. На основе впервые вводимых авторами в научный оборот архивных источников и материалов периодической печати Урала исследуется роль связистов и средств массовой информации в политической борьбе в регионе.

Ключевые слова: СМИ, связисты, информационная война, русская революция.

В начале XX в. Россия вступила в длительный период социальных потрясений. В первой четверти этого столетия русское общество прошло через две революции и три войны, в это время изменился сам вектор исторического развития страны. В ходе социальных трансформаций общественно-политическая роль транспортно-информационных коммуникаций и средств массовой информации заметно возрастает. От состояния транспортно-информационной инфраструктуры во многом зависит сама способность правящей элиты не только управлять общественными процессами, но и удерживать власть. Поэтому связисты, журналисты и все работники информационных систем, связанных с распространением новостей, сыграли большую роль в русских революциях и Гражданской войне.

В данной статье мы заострим внимание на действиях работников связи в революции 1917 г. (почтовых служащих, телеграфистов, телефонистов и др.) и постараемся показать, как от работы средств скоростной связи (прежде всего телеграфов) зависели публикаций материалов и новостей в СМИ, изменение политической ситуации в регионе.

АНТОШИН Алексей Валерьевич — доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры востоковедения Института социальных и политических наук Уральского федерального университета (e-mail: alex_antoshin@mail.ru).

ШАПОШНИКОВ Геннадий Николаевич — доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой истории, экономики и права Уральской государственной медицинской академии, г. Екатеринбург.

© Антошин А. В., Шапошников Г. Н., 2013

Активное участие связистов в акциях гражданского неповиновения в 1905 г. в советской историографии получило название Всероссийской почтово-телефонной стачки. Аналогичные действия осенью 1917 г. определялись как саботаж и контрреволюционные выступления. На наш взгляд, гражданскую позицию всех участников информационного поля (связистов, журналистов и др.) страны в целом и Урала в частности в ходе русских революций следует трактовать шире. Их акции выходят за рамки обычной забастовки. Связисты контролировали средства оперативной связи и, открыто поддержав одного из участников вооруженного конфликта, навязали противной стороне информационную войну. Это во многом определило ход развития всего российского революционного процесса.

Общественный феномен и исторические традиции информационных конфликтов, на наш взгляд, еще не стали объектом исследования отечественных историков. Интерес к теории информационного противостояния как части общей концепции информационного общества проявили социологи, культурологи, специалисты СМИ, военные. По мнению исследователей, суть такого противостояния — в информационном насилии, т. е. манипулировании сознанием людей, вторжении в их внутренний мир посредством широкого спектра средств массовой информации. Цель таких манипуляций — изменение расстановки сил в обществе, навязывание социуму новых стереотипов мышления. В ходе информационного конфликта вполне «мирные» институты общества (те же информационные коммуникации, пресса и др.) становятся оружием [10, 94]. В конечном итоге в информационном конфликте побеждает та сторона, которая завоевала господство в информационном пространстве социума, и та историческая альтернатива, у которой оказалось больше информационных ресурсов [16, 11].

Военные различают два вида информационного конфликта: противостояние и войну. Под первым понимается борьба за идеальное превосходство над противником, его разоблачение, уничтожение его информационного поля. Информационное противоборство возникает в аграрных обществах, но расцвета достигает в индустриальных, где сформировались социальные группы (классы) и открыто противостоят различные идеологии. В этих обществах уже существуют массовые носители такого противоборства (пресса, СМИ), а информация становится товаром. При этом информационное противоборство ведется относительно мирными средствами [15, 153].

В переломные моменты истории противоборство перерастает в информационную войну. Это более сложное явление, акция, направленная на достижение гуманитарного превосходства военными методами. Это целостная стратегия (т. е. спланированная система действия), рассчитанная на уничтожение информационной инфраструктуры и ресурсов противника военным (силовым) путем. В результате в обществе устанавливается духовное господство победителя и социуму навязываются необходимые стереотипы мышления [10, 51].

Какие силы ведут информационную войну? Социологи и журналисты выделяют СМИ (предпочтительно электронные), военные — средства разведки и радиоэлектронного подавления. В нашей статье мы особо хотим выделить

роль трансляторов информации (связистов), которые контролируют средства передачи данных.

В любом информационном противостоянии (тем более в войне) большое значение имеет так называемая «немедленная передача новостей», или «срочные новости». Это информация, которая необходима для принятия тактических решений, пока противник не имеет к ним доступа (журналисты окрастили эту информацию «новости одного утра»). Если трансляция срочных новостей прекращается, то информационное поле мгновенно заполняется слухами. Слухи рождают недоверие к власти и являются важным показателем ее слабости. До тех пор пока связисты (трансляторы информации) обслуживают все общественно-политические силы и выдают немедленные новости всем участникам социального конфликта, информационное пространство остается относительно равным для всех участников политического противостояния, и борьба альтернатив общественного развития ведется в относительно равных условиях.

Иная ситуация возникает в случае, когда связисты, работники СМИ, в соответствии со своей гражданской позицией, сознательно поддерживают одну из сторон и устанавливают информационную блокаду ее противников. Это уже открытая информационная война. Если на экономические, политические и иные противоречия в обществе накладывается информационная блокада, то возникает особая ситуация, которую историк В. П. Булдаков метко охарактеризовал как зависание власти (или оппозиции) в социально-информационном пространстве [3, 336]. Такое состояние весьма опасно, так как лавина слухов и недоверие населения может смести любую власть (или оппозицию). Отсюда все участники конфликта (и прежде всего власти) стремятся установить контроль над информационными ресурсами общества, и в первую очередь над их носителями — коллективами учреждений связи и прессой.

На особую роль средств связи в событиях 1917 г. обратили внимание достаточно давно. «Русская революция, — писал итальянский историк Д. Боффа, — первой в истории человечества сполна использовала современные средства связи. Это не означает, что она была совершена по телеграфу, но повсюду захват почты, телефона, железнодорожных станций представлял важнейший акт восстания» [2, 55].

Связистам и работникам прессы, несомненно, принадлежит одна из главных заслуг в быстрой победе Февральской революции 1917 г. С 23 февраля 1917 г. царское правительство ввело жесткую цензуру на все сообщения из Петрограда, а Петроградское телеграфное агентство (ПТА) перестало передавать известия (т. е. «горячие новости»). Информационная блокада, при помощи которой царская администрация попыталась изолировать столицу, была прорвана связистами и журналистами. Уже с 24 февраля петроградские связисты начали передавать сведения о беспорядках нелегально, по служебному обмену, в результате страна стала полниться слухами. С 25–26 февраля, когда армия в Петрограде перешла на сторону восставших, циркулярные депеши из Петрограда хлынули потоком по всей стране. Со 2 марта, после отречения Николая II, заработало ПТА, которое стало передавать известия Петросовета

и Временного правительства. Телеграфисты и радисты обеспечили и прием известий из провинции. Благодаря этому в Петрограде отслеживалась ситуация по стране.

В Урало-Поволжском регионе губернские власти наложили запрет на публикацию всех известий из Петрограда. Пермский губернатор М. Л. Лозина-Лозинский выставил караулы у редакций местных газет, а за зданиями почтово-телефрафных контор и отделений установил наружное наблюдение. В городах Пермской губернии была опубликована только одна телеграмма: «В Петрограде произошла смена монархов». Телеграммы примерно такого же содержания публиковал и вятский губернатор Н. А. Руднев [13, 102]. В целом реакция губернских властей на новости из столицы в конце февраля — начале марта оставалась вялой, но попытки установления информационной блокады, которые предпринимали региональные власти, породили массу слухов. В Вятку слухи о перемене власти из столицы были завезены приезжими еще 25 февраля, в Перми, Екатеринбурге, Оренбурге, Уфе о каких-то изменениях говорили, но точной информации не было. Население затаилось и жило ожиданием. Первое полуофициальное известие о революции было получено на Урале только 28 февраля. Это была телеграмма депутата Государственной думы А. А. Бубликова с сообщением о том, что власть взяла Госдуму. Здесь же содержался призыв к железнодорожникам поддерживать порядок [11, 368]. Текст не был доведен до широкой публики. И только 1–2 марта, когда Петросовет установил полный контроль над Петроградским телеграфным агентством, на Урал пошла лавина информации из центра. Эти «новости первого часа» тут же печатали газеты, они распространялись листовками и передавались на митингах. Последнее способствовало быстрому установлению новой власти. Уже 2 марта демонстрации заполнили улицы Вятки, Екатеринбурга, Перми, Уфы, Челябинска, шло освобождение заключенных. К 5 марта все крупные центры были в руках советов. Воодушевление выплескивалось через край. «Екатеринбург стал неузнаваем, — писала местная газета, — везде живут одним, везде оживленно комментируют последние события, жадно ловят сенсационную злобу дня, телеграммы, газеты берут с боя, нарасхват... Жизнь бьет ключом» [9].

По-иному ситуация складывалась там, где телеграфы работали с перебоями. Так, в г. Оренбурге телеграф молчал. С 1 марта не было никаких телеграмм. «Город полон слухов, — отмечала редакция губернской газеты, — телефон трезвонит беспрестанно. Все вопросы: Что случилось? Новое министерство? Временное правительство? Говорят, где-то есть телеграммы, но их не выдают адресатам... Думают, гадают. Мы в Оренбурге сегодня как на необитаемом острове» [12, 179]. Еще хуже ситуация была в небольших заводских поселках (в Бисертском заводе, Кушве, Салде, Чусовой, Надеждинске и др.), где администрация и полиция скрывали известия о свержении монархии вплоть до 10 марта и даже позднее [11, 368].

Несмотря на эти трудности, к середине марта регион стал регулярно получать сведения о революционных событиях со всей страны. В победе революции в Урало-Поволжском регионе связисты сыграли одну из первых ролей. Не случайно участники тех событий дали их работе высокую оценку, отмечая,

что Февральская революция на Урал была привнесена по телеграфу «в запечатанном конверте». Пример уральских связистов и СМИ в трансляции революционных идей весьма показателен. Информационные ресурсы царизма в одноточье сузились настолько, что какого-либо шанса выжить у него просто не существовало.

Революционная эйфория и творчество масс в первой половине марта на Урале породили невиданный по интенсивности телеграфный обмен. Особое значение в это время приобрели так называемые «горячие новости одного утра». Особенность телеграфного обмена периода революции — прием и передача длинных телеграмм, содержащих сто и более слов. Средняя длина телеграммы весны — лета 1917 г. составляла 54 слова (для сравнения: в 1913 г. средняя длина телеграммы составляла 12,5 слова). Увеличение текстов телеграфных сообщений легло дополнительной нагрузкой на средства связи, но связисты не роптали. В первых числах марта весь состав ведомства принял присягу Временному правительству, и трудовые коллективы учреждений связи работали в чрезвычайном режиме.

Революция заметно расширила информационное поле региона. В 1917 г. на Урале действовало около 200 периодических изданий [14, 66]. Поскольку связисты мгновенно доносили информацию до редакций и типографий всех газет, все партии, общественные организации, их СМИ пользовались информационными ресурсами и в силу этого имели относительно равные возможности влияния на массы. Мы специально отмечаем, что весной — летом 1917 г. в регионе признаков информационной войны не наблюдалось. Ожесточенная борьба политических блоков, партий, различных идеино-политических течений за умы и политические симпатии населения Урала в это время определяется нами как информационное противоборство. Оно велось относительно мирными средствами и было обычным явлением революционных эпох. В это время связисты в полной мере осознали свою огромную социальную значимость: в лице обычного их профессия стала ассоциироваться с немедленным контактом с центром. Все властные структуры и политические блоки заигрывали с ними, так как нуждались в средствах связи.

На протяжении всего 1917 г. почтово-телеграфные службы последовательно защищали политическую линию Временного правительства. В ходе весенних кризисов, событий 3–4 июля, мятежа генерала Л. Г. Корнилова средства связи и информационные ресурсы были направлены на обеспечение стабильности и поддержку существующей власти. В прессу связисты передавали информацию, выгодную прежде всего для Временного правительства. Это хорошо видно на примере работы уральских связистов 3–7 июля 1917 г., когда в столице бушевал очередной политический кризис.

Уже 3–4 июля на Урал пошла лавина телеграмм о расстреле демонстрации в Петрограде и волнениях городского гарнизона. Телеграфный обмен между Петроградом и уральскими городами заметно оживился. В край приходило по 3–5 телеграмм ежедневно с подробным описанием ситуации в столице, и вдвое больше уходило в столицу с информацией о положении в губерниях. По решению администрации почтово-телефрафных округов и окружных ко-

митетов почтово-телеграфного союза эти телеграммы не оглашались и не передавались в СМИ. О них знал лишь ограниченный круг лиц губернской администрации. Информация из столиц стала передаваться в редакции газет только 5 июля, когда на Урал поступило официальное заявление бывшего главы Временного правительства князя Г. Е. Львова. Оно гласило, что в Петрограде безответственные элементы попытались вмешаться в управление государством, но были нейтрализованы. Эта версия позволила выиграть противоборство с леворадикальной прессой, которая пыталась печатать слухи о падении Временного правительства. В результате в регионе сохранялась стабильность. Окончанием правительственный кризиса на Урале можно назвать 11 июля, когда во все почтово-телеграфные конторы пришли циркулярные депеши о том, что новый глава правительства А. Ф. Керенский сформировал Кабинет министров и видит свою задачу в объединении страны. Здесь же содержались сообщения о выдаче ордеров на арест лидеров большевизма — В. И. Ленина и А. В. Луначарского в связи с расследованием событий 3–4 июля [6, 14–17; 8, 19–20]. Связисты мгновенно передали эти телеграммы в редакции газет, донесли их содержание до местных советов.

В августе 1917 г. связисты единым фронтом выступили против мятежа генерала Л. Г. Корнилова. Как только стало известно о выступлении воинских частей на Петроград, питерские телеграфисты начали отключение от общероссийских магистралей тех мест, куда прибывали их эшелоны. Ни одно распоряжение Л. Г. Корнилова не прошло в провинцию. Телеграфы всей страны вновь заработали в военном режиме, у зданий контор была выставлена охрана, телеграфисты передавали информацию только Временного правительства и распоряжения А. Ф. Керенского. Нормальная работа связи стала важным фактором того, что правительство А. Ф. Керенского выстояло в этот сложный момент революции.

Информационная война стала реальностью в Урало-Поволжском регионе с первых часов большевистского переворота. Известия о событиях в столице на Урал стали поступать в ночь с 25 на 26 октября 1917 г. (по старому стилю). Именно тогда о них первыми узнали вятские, пермские, екатеринбургские, тюменские телеграфисты. Отрывочные известия шли из Петрограда по прямым проводам и через переприемы казанского и самарского направлений. Днем 26 октября весть о большевистском восстании дошла до Челябинска, Уфы, Оренбурга, Троицка, а также городов Северного Урала, в том числе Тобольска. Часть телеграмм обрывались на полуслове, из обрывочных сообщений понять что-либо было сложно.

Ситуация усугубилась и тем, что телеграфисты сами стали спонтанно прерывать передачу информации. Так, Самарская городская контора 26–27 октября постоянно отключала провода на оренбургском и троицком направлениях, стремясь воспрепятствовать утверждению новой власти в этих городах. Нерегулярно работала связь Пермь — Казань. Омичи отключили сибирские провода от Вятки и Екатеринбурга, поскольку, по мнению сибиряков, в этих городах связисты работали на большевиков. И только когда вятские и екатеринбургские телеграфисты сообщили, что они не хотят иметь ничего общего с новыми советами, телеграфная связь с Сибирью вновь заработала [7, 1].

Следствием этого стала волна слухов, которая пошла по всем регионам. На Урале были созданы все предпосылки для информационной войны.

ЦК почтово-телеграфного союза (ЦК Потель) занял открыто враждебную позицию по отношению к новой власти и начал подготовку к забастовке. Более того, связисты самостоятельно, минуя столицу, наладили служебный обмен между регионами и молниеносно распространяли сведения об антинародных действиях большевиков. В стране началась полномасштабная информационная война, которую направлял и координировал ЦК Потель.

Однозная подача информации имела несколько серьезных последствий. Прежде всего, она способствовала распространению самых невероятных слухов о новой власти. Обыватели и оппозиция были уверены, что вся страна поднимается против большевиков. Это делало новую власть непрочной, заметно снижало темпы ее распространения по региону. В эти дни Урал погрузился в чересполосицу самых различных форм власти: в одних местах уже утвердились пробольшевистские советы, в других действовали комиссары Временного правительства, в третьих власть оставалась в руках волостных правлений, городских дум, земств, а то и крестьянских общин. Все требовали от связистов точной информации и передачи своих депеш, а связисты проводили выборочную передачу, давали возможность трансляции информации одним и закрывали ее для других. Там, где власть оставалась в руках комиссаров Временного правительства, земств, городских дум, связисты активно сотрудничали с ней. В городах и заводских поселках, где власть перешла к большевикам, сеть общей связи работала против них: связисты организовали забастовки, и ряд уральских городов и уездов оказались в информационной блокаде.

По нашим подсчетам, забастовка почтово-телеграфных работников в октябре — ноябре 1917 г. прошла в десяти городах Урало-Поволжского региона и продолжалась от двух дней до недели. Наиболее продолжительной она была в Самаре, Екатеринбурге, Челябинске, Златоусте, Реже. Менее драматичный краткосрочный характер забастовка носила в Камышлове, Троицке, Оренбурге, Верхнеуральске, Кургане. Везде она начиналась только тогда, когда комиссары ВРК или исполнкомов большевистских советов захватывали учреждения связи.

Информационная блокада быстро распространялась по всему Уралу. На горнозаводском Урале центром борьбы связистов с большевиками стал г. Екатеринбург. Весть о свержении Временного правительства пришла в город в ночь с 25 на 26 октября, ее приняли по железнодорожному телеграфу, так как городской молчал. Общественную значимость связистов в те дни хорошо отразил очевидец событий — сотрудник газеты «Уральский рабочий» В. Воробьев: «Весть о петроградских событиях сразу облетела весь город, толпа обступила газетчиков, продававших отпечатанные телеграммы о захвате власти большевиками. За весь день 27 октября в город прошло только две телеграммы из Петрограда: “ВРК, созданный Петроградским Советом, стоит у власти” и “Зимний взят, министры арестованы, никто не ранен”. Какой простор воображению дали эти известия! Отсутствие телеграмм рождало слухи, неопределенность положения пошатнула уверенность в победе революции. После споров

в областном Совете было принято решение закрепиться в Екатеринбурге и стоять до конца. 27–29 октября город продолжил оставаться во власти слухов. Говорили о том, что большевики выбиты отовсюду, заперлись в Петропавловске, а на Урал идут войска, верные Керенскому. Источником их был городской телеграф, служащие которого отказывались передавать телеграммы городского и областного Советов. В результате 28 октября на телеграф был послан отряд во главе с комиссаром И. Тунтулом, который и закрыл его. В солидарность с телеграфистами забастовали работники ГТС и почтовики. В городе началась паника» [4].

По сути, забастовка связистов не только погрузила город в информационный вакуум, но объективно способствовала сплочению всех антибольшевистских сил. Повсюду поползли слухи о падении власти ВРК в Петрограде. 30 октября связисты провели общее собрание и приняли резолюцию, что до Учредительного собрания они признают лишь правительство, которое выражает интересы всех демократических слоев [5, 229].

К этому времени стало известно, что почтово-телеграфные служащие в других городах Урала переходят к забастовке. Большевики вынуждены были пойти на уступки, 31 октября был образован коалиционный комитет в составе представителей облсовета, эсеров, профсоюзов железнодорожников и почтово-телефрафных работников, других общественных организаций. Созданием коалиционного органа руководители облсовета Н. Н. Крестинский и Л. С. Сосновский предотвратили угрозу расширения забастовки связистов. 31 октября – 1 ноября связисты города возобновили прием и передачу всей корреспонденции. Город вышел из информационного вакуума. И только 22 ноября, когда коалиционный ревком самоликвидировался, большевики окончательно взяли власть в Екатеринбурге [1, 25–29].

Забастовка в Екатеринбурге – центре телеграфных линий всего горнозаводского Урала оказала большое влияние на телеграфный обмен по Уралу и западной части Сибири. В городе сходились важные, в хозяйственном и оперативном отношении, провода от Уфы и Челябинска, Ирбита, Тагила, Верхней Туры и Надеждинска. От Екатеринбурга Сибирская магистраль уходила на Тюмень и Омск. Забастовка екатеринбургских связистов прервала сообщения в важнейших горных округах края, дополнила информационную блокаду Сибири, которую начали самарцы и челябинцы. На наш взгляд, главным результатом забастовки связистов стало образование коалиционных правительств и объединение антибольшевистских сил.

Итак, в октябре – ноябре 1917 г. связисты России смогли организовать мощные протестные действия против большевиков. Профсоюзы железнодорожников и связистов проявили себя как политические партии и стали инициаторами и участниками коалиционных органов власти на местах.

Большевики противопоставили информационной войне насилие. Оно началась с арестов активных забастовщиков, натравливания на почтово-телефрафных работников солдатских масс, огульных обвинений в контрреволюции. В это время формы репрессий ограничивались в основном арестами. Так, в ходе октябрьско-ноябрьской забастовки почтово-телефрафных работников

в городах Царицыне и Саратове было арестовано более 120 связистов, в Ташкенте — 40 (в результате чего связь со Средней Азией прекратилась), в Казани городской Совет обвинил всех почтово-телеграфных работников в саботаже и постановил: всех уволить и отправить на фронт. В полном составе был арестован трудовой коллектив Новосуксунской почтово-телеграфной конторы Уфимской губернии, Камышловской конторы Пермской губернии, частичные аресты связистов проходили во всех городах края. Везде они сопровождались угрозами со стороны солдатской массы. Через несколько дней содержания под стражей арестованных отпускали, и они возвращались на рабочие места. В Казани после вмешательства Петрограда все арестованные были отпущены на свободу и никто на фронт не отправлен. Относительно «мягкие» формы репрессий объясняются, на наш взгляд, двумя причинами: в октябре 1917 г. большевики еще не утвердились у власти, отчаянно нуждались в оперативной связи и вынуждены были работать с тем составом связистов, который был. Кроме того, они еще не сформировали свои репрессивные органы, которые могли бы проводить систематическую карательную политику.

Новая власть выиграла информационную войну, но сделала из нее надлежащие выводы: большевизму необходимо было расширять свою социальную базу в учреждениях связи. В аппаратные залы почтово-телеграфных контор были направлены революционная молодежь и солдаты, бывшие почтальоны, сторожа, младший обслуживающий персонал почтово-телеграфных контор, перед которыми революция открыла возможности карьеры и профессионального роста.

Итак, ход революционных процессов и победа той или иной исторической альтернативы во многом зависят от того, каким информационным полем и ресурсами располагают ее носители. Революция 1917 г. выпукло показала общественно-политическую роль трансляторов информации, поскольку профсоюз связистов быстро превратился в политическую организацию партийного типа. Связисты до конца поддерживали Временное правительство, а осенью 1917 г. — и те силы, которые последовательно выступали за Учредительное собрание. В октябре — ноябре 1917 г. они развязали против большевиков информационную войну, которая оказала заметное влияние на утверждение большевистской диктатуры в провинции. На наш взгляд, главным достижением этой войны стало образование коалиционных органов власти. Эти специфические переходные структуры могли бы стать основой для сотрудничества умеренных и экстремистских социалистических течений, залогом успешной деятельности Учредительного собрания. Без помощи связистов организация этих коалиционных органов была бы сорвана в зародыше. Сломив саботаж почтово-телеграфных служащих, большевики не только утвердились у власти, но уже в феврале 1918 г. смогли установить контроль над средствами связи, чтобы создать необходимое информационное поле для своих первых «социалистических» преобразований. Вместе с тем их методы по наведению порядка в учреждениях связи способствовали усилению социально-классового раскола в среде связистов, который наглядно проявился в годы Гражданской войны.

1. *Баранов А.* Октябрь и начало Гражданской войны на Урале. Свердловск, 1927.
2. *Боффа Д.* История Советского Союза. М., 1994. Т. 1.
3. *Булдаков В.* Красная смута: Природа и последствия революционного насилия. М., 1995.
4. *Воробьев В.* Тревожные дни // Урал. рабочий. 1996. 6 янв.
5. Государственный архив Пермской области (ГАПО). Ф. 45. Оп. 1. Д. 167.
6. Там же. Ф. 167. Оп. 2. Д. 6.
7. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 5489. Оп. 1. Д. 17.
8. Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. 62. Оп. 1. Д. 635.
9. Зауральский край (Екатеринбург). 1917. 24 марта.
10. Информационное общество. Информационные войны. Информационное управление. Информационная безопасность. СПб., 1999.
11. История Урала. М., 1990. Т. 2 : Период капитализма.
12. *Нарский П.* Жизнь в катастрофе. Будни населения Урала. 1917–1922 гг. М., 2001.
13. Очерки истории Екатеринбурга — Свердловска. Свердловск, 1973.
14. *Попов Н. Н., Бугров Д. В.* Бремя упущеных возможностей: Урал в 1917 г. Екатеринбург, 1997.
15. *Слипченко В. И.* Войны шестого поколения. Оружие и военное искусство будущего. М., 2002.
16. *Уилхэм Д.* Коммуникации и власть. СПб., 1993.

Статья поступила в редакцию 27.05.2013 г.

УДК 070.1:331.101 + 070.4 + 316.77 + 316.334.22

С. И. Бессонов

СПЕЦИАЛИЗАЦИЯ И ПРОФИЛИЗАЦИЯ КАК КОМПОНЕНТЫ ЭФФЕКТИВНОГО МЕДИАМЕНЕДЖМЕНТА

Обосновывается тезис о том, что массмедиа работают на базе единой модели разделения труда, которая необходима для оптимизации деятельности журналистов и предполагает формирование совокупности специализаций и профилей.

Ключевые слова: массмедиа, редакционный менеджмент, специализация, профилизация, разделение труда, журналист, эффективность.

На региональных рынках прессы сегодня, с одной стороны, фиксируются тенденции к универсализации содержания функциональных моделей медиапрактики, опосредованные распространением установок конвергентного журнализа, и оптимизации расходов на реализацию задач управления качеством творческо-производственных процессов. А с другой — все четче прослеживаются тренды на изменение характера медиапотребления, технологизацию контента, создаваемого для различных платформ, и мультимедийное развитие.